

Washington
IRVING
1783 — 1859

Вашингтон
ИРВИНГ

Сонная Лощина

Новеллы

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
И 78

Перевод с английского Анания Бобовича

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Ирвинг В.

И 78 Сонная Лощина : новеллы / Вашингтон Ирвинг ; пер. с англ. А. Бобовича. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-02707-7

В книгу вошли новеллы первого классика американской литературы Вашингтона Ирвинга (1783—1859) из его лучших книг «Альгамбра», «Рассказы путешественника», «Брейсбридж-Холл» и «Книга эскизов». Герои этих увлекательных историй бродят в сумрачных лесах и долинах, встречаются духов и привидений, разыскивают зачарованные клады... Новеллы Ирвинга ироничны и загадочны одновременно, написаны живым, красочным языком и читаются на одном дыхании.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. С. Бобович (наследники), перевод, 2018

© В. И. Бернацкая, статья, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2011

Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-02707-7

Из «Книги эскизов»

[Запись приводимого ниже рассказа была обнаружена среди бумаг покойного Дидриха Никербокера¹, коренного жителя Нью-Йорка, весьма интересовавшегося голландским периодом в истории края, а также нравами и обычаями прямых потомков первых колонистов. Свои разыскания он предпочитал производить больше среди людей, нежели среди книг, ибо в печатных источниках материалы, касающиеся излюбленных им предметов, были и остаются весьма скудны; ввиду чего он не упускал случая побеседовать со старожилами, а лучше того — с их женами, хранившими богатейшие запасы легенд и преданий, незаменимых при восстановлении подлинного хода событий. Стоило ему напасть на голландское семейство, мирно проживающее под низкой кровлей крестьянского дома с раскидистым платаном во дворе, как оно преображалось в его глазах в готический манускрипт в переплете с металлической пряжкой, и он приступал к его изучению с усердием книжного червя.

Прямым результатом его трудов явилась история штата под управлением голландских губернаторов, опубликованная не так давно. О ее чисто литературной ценности бытуют разные мнения, и, честно говоря, она ни на йоту не лучше, чем можно было от нее ожидать. Главное ее достоинство состоит в скрупулезнейшей достоверности — хотя именно на нее сперва упала легкая тень сомнения, но, впрочем, тотчас рассеялась. Сегодня «История» прочно вошла в ученый обиход как непреложно авторитетный труд.

Вскоре по ее опубликовании мистер Никербокер скончался, и теперь, когда он ушел от нас, его память не будет оскорблена, если мы скажем, что он мог бы с гораздо большей пользой употребить отпущенное ему судьбой время — для более серьезных исследований. Увы, он предпочел осед-

¹ Дидрих Никербокер — псевдоним, выбранный Ирвингом для своей книги «История Нью-Йорка» (1809). (*Прим. ред., где не указано особо.*)

лать своего любимого конька и разъезжать на нем по собственной прихоти. Бывало, пыль, тучами взвиваясь из-под копыт, попадала в глаза соседям и причиняла огорчения друзьям, к которым он испытывал неизменные почтение и приязнь. Что ж! Его заблуждения и причуды вспоминаются «скорее с грустью, чем с раздражением»¹, и все понемногу приходят к выводу, что он никогда не намеревался задеть или оскорбить кого-нибудь. Но что бы ни думали о нем критики, его память свято сохраняется многими простыми людьми, чье доброе мнение ценится высоко, и не зря. Возьмем, к примеру, пирожников: иные из них дошли даже до того, что профилем его украшают новогодние пряники, предоставляя ему реальный шанс на бессмертие — не менее реальный, чем у тех, кто увековечен на медали в честь битвы при Ватерлоо или на фартинге королевы Анны.]²

РИП ВАН ВИНКЛЬ

Посмертный труд Дидриха Никербокера

Клянусь Вотаном³, богом саксов,
Творцом среды (среда — Вотанов день),
Что правда — вещь, которую храню
До рокового дня, когда свалюсь
В могилу...⁴

*Картрайт*⁵

Всякий, кому приходилось подниматься вверх по Гудзону, помнит, конечно, Катскиллские горы. Эти дальние отроги великой семьи Аппалачей, вознесен-

¹ Vide: прекрасную речь м-ра Дж. С. Ферпланка перед собранием Нью-Йоркского исторического общества. (*Прим. автора.*)

² Перевод А. Колотова.

³ Вотан (Водан) — верховный бог древних германцев; в скандинавской мифологии ему соответствует бог искусства и войны Один.

⁴ Здесь и далее стихотворные эпиграфы даны в переводе Т. М. Казмичевой.

⁵ Уильям Картрайт (1611—1643) — английский поэт, драматург и теолог.

ные на внушительную высоту и господствующие над окружающей местностью, виднеются к западу от реки. Всякое время года, всякая перемена погоды, больше того — всякий час на протяжении дня вносят изменения в волшебную окраску и очертания этих гор, так что хозяюшки — что ближние, то и дальние — смотрят на них как на безупречный барометр. Когда погода тиха и устойчива, они, одетые в пурпур и бирюзу, вычерчивают свои смелые контуры на прозрачном вечернем небе, но порою (хотя вокруг, куда ни глянь, все безоблачно) у их вершин собирается сизая шапка тумана, и в последних лучах заходящего солнца она горит и сияет, как венец славы.

У подножия этих сказочных гор путнику, вероятно, случалось видеть легкий дымок, выходящий над селением, гонтовые крыши которого просвечивают между деревьями как раз там, где голубые тона предгорья переходят в яркую зелень расстилающейся перед ним местности. Это — старинная деревушка, основанная голландскими переселенцами еще в самую раннюю пору колонизации, в начале правления доброго Питера Стайвесанта¹ (мир праху его!), и еще совсем недавно тут сохранялось несколько домиков, сложенных первыми колонистами из мелкого, вывезенного из Голландии желтого кирпича, с решетчатыми оконцами и флюгерами в виде петушков на гребнях островерхих крыш.

Вот в этой-то деревушке и в одном из таких домов (который, сказать по правде, порядком пострадал от времени и непогоды) в давние времена, тогда, когда этот край был британской провинцией, жил простой, добродушный малый по имени Рип Ван Винкл.

Он принадлежал к числу потомков тех самых Ван Винклей, которые с великою славою подвизались

¹ Питер Стайвесант (1592—1672) — последний голландский губернатор штата Новые Нидерланды (1647—1664).

в рыцарственные дни Питера Стайвесанта и находились с ним при осаде форта Кристины. Воинственного характера своих предков он, впрочем, не унаследовал. Я заметил уже, что это был простой, добродушный малый; больше того, он был хороший сосед и покорный, забитый супруг. По-видимому, это последнее обстоятельство и воспитало в нем ту кротость духа, которая снискала ему всеобщую любовь и широкую популярность, ибо наиболее услужливыми и покладистыми вне своего дома оказываются мужчины, привыкшие повиноваться вечно брюзжащим и бранящимся женам. Их нрав, пройдя через огненное горнило домашних невзгод, становится, вне всякого сомнения, гибким и податливым, ибо хорошая супружеская нахлобучка лучше иной проповеди научает человека добродетели терпения и послушания. Вот почему сварливую жену в некоторых отношениях можно считать благословением Неба, а раз так, Рип Ван Винкль был благословен трижды.

Как бы там ни было, но он, бесспорно, пользовался горячей симпатией всех деревенских хозяйшек, которые, согласно обыкновению прекрасного пола, во всех семейных неурядицах Рипа неизменно становились на его сторону и, когда тараторили друг с другом по вечерам, не упускали случая взвалить всю вину на тетушку Ван Винкль. Даже деревенские ребяташки встречали его появление шумным и радостным гомоном. Он принимал участие в их забавах, мастерил им игрушки, учил запускать змея и катать шарики¹ и рассказывал нескончаемые истории про духов, ведьм и индейцев. Когда бы ни слонялся он по деревне, его постоянно окружала ватага ребят, цеплявшихся за полы его одежды, забиравшихся к нему на спину и безнаказанно учинявших тысячи шалостей; кстати, не было ни одной собаки

¹ Детская игра наподобие бабок.

в окрестностях, которой пришло бы в голову на него залясть.

Большим недостатком в характере Рипа было непреодолимое отвращение к труду. Это происходило, однако, не потому, что у него не хватало усидчивости или терпения, — ведь сидел же он сиднем, бывало, на мокром камне с удочкой, длинной и тяжелой, как татарская пика, и безропотно удил целыми днями даже в тех случаях, когда за все время ни разу не клюнет; бродил же он часами с ружьем на плече по лесам и болотам, по горам и по долам, чтобы подстрелить несколько белок или лесных голубей. Никогда не отказывался он пособить соседу даже в самой трудной работе и был первым, если в деревне принимались сообща лущить кукурузу или возводить каменные заборы; жительницы деревни привыкли обращаться к нему с различными поручениями или просьбами сделать для них какую-нибудь мелкую докучливую работу, взяться за которую не соглашались их менее покладистые мужья. Короче говоря, Рип охотно брался за чужие дела, но отнюдь не за свои собственные; исполнять обязанности отца семейства и содержать ферму в порядке представлялось ему невыносимым и невозможным.

Он заявлял, что обрабатывать его землю не стоит: это, мол, самый скверный участок в целом крае, все растет на нем из рук вон плохо и всегда будет расти отвратительно, несмотря на все труды и усилия. Изгороди у него то и дело разваливались; корова неизменно умудрялась заблудиться или забредала в капусту; сорняки на его поле росли, конечно, быстрее, чем у кого бы то ни было; всякий раз, когда он собирался работать на дворе, начинал, как нарочно, лить дождь; и, хотя доставшаяся ему по наследству земля, сокращаясь акр за акром, превратилась в конце концов, благодаря его хозяйничанью, в узкую полоску картофеля и кукурузы, полоска эта была наихудшею в этих местах.

Дети его ходили такими оборванными и одичалыми, словно росли без родителей. Его сын Рип походил на отца, и по всему было видно, что вместе со старым платьем он унаследует и отцовский характер. Обычно он трусил мелкой рысцей, как жеребенок, за подолом матери, облаченный в старые отцовские, проношенные до дыр, широченные штаны, которые с великим трудом придерживал одной рукой, подобно тому как нарядные дамы в дурную погоду подбирают шлейф своего платья.

Рип Ван Винкль тем не менее принадлежал к разряду тех вечно счастливых смертных, обладателей легкомысленного и беспечного нрава, которые живут не задумываясь, едят белый хлеб или черный, смотря по тому, какой легче добыть без труда и забот, и скорее готовы сидеть сложа руки и голодать, чем работать и жить в довольстве. Если бы Рип был предоставлен самому себе, он посвистывал бы в полное свое удовольствие на протяжении всей своей жизни, но, увы!.. супруга его жужжала ему без устали в уши, твердя о его лени, беспечности и о разорении, до которого он довел собственную семью. Утром, днем и ночью ее язык трещал без умолку и передышки: все, что бы ни сказал и что бы ни сделал ее супруг, вызывало поток домашнего красноречия. У Рипа был единственный способ отвечать на все проповеди подобного рода, и благодаря частому повторению это превратилось в привычку: он пожимал плечами, покачивал головой, возводил к небу глаза и упорно молчал. Впрочем, это вызывало новые вспышки ярости его неугомонной супруги, и в конце концов ему приходилось отступать с поля сражения и скрываться за пределами дома — все, что остается несчастному мужу, живущему у жены под башмаком.

Среди домашних единственным другом Рипа был пес по имени Волк, которому доставалось ничуть не меньше, чем его бедняге хозяину, ибо госпожа Ван

Винкль, считая, что они товарищи по лености и безделью, злобно косилась на Волка, видя в нем причину частых отлучек ее супруга. Волк же, в сущности, обладал всеми чертами характера, которые полагается иметь честному псу: он не уступил бы в отваге ни одному зверю, рыскавшему в лесах, но какая отвага устоит перед нападками злого, вечно извергающего хулу женского языка! Стоило Волку переступить порог дома — и облик его сразу преображался: понурый, с опущенным к земле или зажатым меж ног хвостом, крался он с видом преступника, то и дело бросая косые взгляды на хозяйку Ван Винкль, и при малейшем взмахе метлы или уполовника с воем и визгом кидался за дверь.

С годами семейная жизнь Рипа становилась все тягостнее. Дурной характер никогда не смягчается с возрастом, а острый язык — единственный из всех режущих инструментов, который не только не притупляется от постоянного употребления, но, напротив, становится все острее и острее. Будучи принужден частенько покидать домашний очаг, Рип малопомалу привык находить отраду в посещении, так сказать, постоянного клуба мудрецов, философов и прочих деревенских бездельников. Клуб этот заседал на скамье у кабачка, вывеской которому служил на-малеванный красною краской портрет его королевского величества Георга III¹. Здесь просиживали они в холодке нескончаемый летний день, бесстрастно передавая друг другу деревенские сплетни или сонно пережевывая бесчисленные истории ни о чем. Впрочем, иным государственным деятелям стоило бы выложить хорошие денежки, чтобы послушать глубоко-мысленные дискуссии, возникавшие порой между ними, когда какой-нибудь случайный проезжий снабжал их старой газетой. С какою торжественностью вни-

¹ Георг III (1738—1820) — король Великобритании с 1780 г.

мали они тогда неторопливому чтению Деррика Ван Буммеля, школьного учителя, маленького и живого ученого человечка, который не запнувшись мог произнести самое длинное слово во всем словаре! С какою мудростью толковали они о событиях многомессячной давности!

Общественным мнением в этом высоком собрании заправлял Николас Веддер, патриарх деревни и владелец кабачка, у порога которого он восседал с утра до ночи, передвигаясь ровно на столько, на сколько требовалось, чтобы укрыться от солнца и остаться в тени могучего дерева, так что соседи, наблюдая его движения, могли определять время с такою же точностью, как если бы перед ними были солнечные часы. Правда, голос его можно было услышать не часто, зато трубкой своей он дымил беспрерывно. И все же его приверженцы (а у всех великих людей всегда бывают приверженцы) отлично понимали его и умели угадывать его мнение. Было замечено, что, если чтение или рассказ приходились ему не по вкусу, он начинал яростно попыхивать трубкой, выпуская изо рта частые, короткие и сердитые клубы дыма; если же, напротив, они ему нравились, он медленно и спокойно затягивался и выпускал дым легкими, мирными облачками; время от времени, вынув изо рта трубку, он степенно кивал в знак полного одобрения, и тогда около его носа завивался ароматный дымок.

Но даже из этой твердыни бедный Рип был выбит в конце концов своею сварливой женой, которая не раз нарушала спокойствие и безмятежность достопочтенного собрания, ставя членов его ни во что и допекая их своими насмешками. Даже священную особу Николаса Веддера не пощадил дерзкий язык этой бешеной фурии, обвинявшей его во всеуслышание в том, что он потворствует праздным наклонностям ее легкомысленного супруга.

Бедняга Рип был доведен, таким образом, почти до отчаяния; единственное, что ему оставалось, чтобы избавиться от работы на ферме и брани жены, — это взять в руки ружье и отправиться бродить по лесам. Здесь присаживался он иногда к подножию дерева и делился содержимым своей охотничьей сумки с Волком, к которому испытывал сострадание как к товарищу по несчастью. «Бедный Волк, — говаривал он в таких случаях, — твоя хозяйка устраивает тебе чертовски собачью жизнь? Ничего, приятель, пока я жив, есть кому за тебя постоять!» Волк помахивал хвостом, устремлял грустный взгляд на хозяина, и, если только собаки способны сочувствовать людям, я и впрямь готов верить, что он от всего сердца отвечал Рипу взаимностью.

Как-то в погожий осенний день, совершая вылазку подобного рода, Рип неприметно для себя самого взобрался на одну из самых высоких вершин Катскилльских гор. Он предавался излюбленной им охоте на белок, и безлюдные горы отвечали многократным эхом на его выстрелы. Уже к вечеру, тяжело дыша от усталости, прилег он на склон зеленого, поросшего горной травой бугра у самого края пропасти. Оттуда, сквозь просветы между деревьями, он видел обширную, тянувшуюся на многие мили равнину, покрытую густым лесом. Где-то внизу — там, далеко-далеко, — величаво и безмолвно катил свои воды могучий Гудзон (лишь изредка на его зеркальном лоне можно было заметить отражение багряного облачка или паруса медлительного, как бы застывшего на месте суденышка), но и самый Гудзон терялся наконец в синеве дальних предгорий.

С противоположной стороны перед ним открывалась глубокая, зажатая горами лощина — дикая, пустынная, взъерошенная, — дно которой, заваленное обломками нависших сверху утесов, было едва освещено отсветами лучей заходящего солнца. Рип лежал

и задумчиво глядел на эту картину; наступал вечер; горы отбрасывали длинные синие тени, закрывая ими долины. Рип понял, что стемнеет гораздо раньше, чем он успеет добраться до деревни, и, тяжело вздохнув, представил себе грозную встречу, уготованную ему госпожою Ван Винкль.

Вдруг, когда он собрался уже спускаться с горы, до него донесся издали окрик: «Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!» Рип взглянул во все стороны, но кругом никого не было, кроме вороны, направлявшей свой одинокий полет через горы. Он решил, что воображение обмануло его, и снова приготовился к спуску, как вдруг услышал тот же голос, отчетливо прозвучавший в тишине вечернего воздуха: «Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!» В то же мгновение Волк ошетинился, зарычал, прижался к хозяину и замер, испуганно смотря вниз. Теперь и Рип проникся какой-то смутной тревогой; он устремил беспокойный взгляд в направлении, подсказанном ему Волком, и различил наконец причудливую фигуру какого-то человека, с усилием взбиравшегося на скалы и сгибавшегося под тяжестью ноши, которую он тащил на спине. Рип удивился, встретив человеческое существо в такой пустынной и обычно никем не посещаемой местности, но, решив, что это кто-нибудь из окрестных жителей, нуждающийся в его помощи, начал торопливо спускаться в долину.

Приблизившись, он еще больше поразился странной наружности незнакомца. Перед ним стоял маленький коренастый старик с густою гривой волос и седой бородой. Одет он был по старинной голландской моде: в суконную куртку, перетянутую у пояса ремнем, и многослойные штаны, необыкновенно широкие, украшенные сбоку рядами пуговиц, а у колен — бантами. Он тащил на плече изрядный бочонок, очевидно наполненный водкой, и подавал Рипу знаки, прося его приблизиться и помочь. Хотя Рип

несколько оробел и не чувствовал особого доверия к незнакомцу, все же он со всегдашней готовностью откликнулся на его просьбу, и вот, помогая друг другу, они стали карабкаться вверх по промоине, представлявшей собой, очевидно, высохшее русло ручья.

Во время подъема Рип не раз слышал глухие удары, напоминавшие раскаты далекого грома. Они доносились, казалось, из глубокого, вытянутого в длину оврага, или, вернее, ущелья между высокими скалами; к нему-то и вела та неровная, усыпанная щебнем тропа, по которой они взбирались. Рип на мгновение остановился и, рассудив, что это, должно быть, отдаленный гул короткого грозового ливня, какой часто бывает в горах, тронулся дальше. Пройдя ущелье, они вышли в лощину, похожую на маленький амфитеатр. Ее со всех сторон окружали отвесные кручи, с краев которых свешивались ветви деревьев, так что снизу можно было увидеть лишь клочки лазурного неба или порою яркое вечернее облачко. За все это время ни Рип, ни его спутник не проронили ни слова, и хотя первый ломал себе голову, чего ради тащить бочонок с водкой в дикие, пустынные горы, он так и не решился обратиться за разъяснением к старику, ибо в нем было что-то необыкновенное и непостижимое, внушавшее страх и исключавшее возможность сближения.

Добравшись до амфитеатра, Рип увидел немало достойного удивления. Посредине, на гладкой площадке, компания странных личностей резалась в кегли. На них было причудливое иноземное платье: одни — в кургуzych куртках, другие — в камзолах, с длинными ножами у пояса, и почти все в таких же необъятных штанах, какие были на проводнике Рипа. Но и помимо платья все в их наружности было необычайно: у одного — огромная голова, широкое лицо и крошечные, свиные глазки; лицо другого (на нем был белый колпак, похожий на сахарную голову и укра-

шенный красным петушьим перышком) состояло, казалось, из одного носа. У всех были бороды различной формы и различного цвета. Один из них выглядел начальником; на этом дюже пожимом джентльмене с обветренным красным лицом был кафтан с галунами, широкий пояс и кортик, а также шляпа с высокой тульей и перьями, красные чулки и башмаки на высоченнейших каблуках, спереди украшенные пряжками. Вся группа в целом напомнила Рипу картину фламандского живописца в гостиной Ван Шайка, деревенского пастора, привезенную из Голландии еще первыми поселенцами.

Но вот что больше всего поразило Рипа: хотя эти ребята, судя по всему, развлекались от всего сердца, они удерживали на лицах неизменно суровое выражение и хранили таинственное молчание; никогда еще Рипу не доводилось присутствовать при столь унылой забаве. Кроме стука шаров, который будил в горах громкое эхо, грохотавшее подобно громовым раскатам, ничто не нарушало безмолвия этой сцены.

Когда Рип со своим спутником подошли ближе, эти люди разом прервали игру и каждый из них уставился на него упорным, мертвенным, как у изваяния, взглядом; их лица были такие странные, такие чужие, такие безжизненные, что у Рипа екнуло сердце и задрожали поджилки. Между тем его спутник стал разливать содержимое бочонка по большим кубкам и знаком показал Рипу, что их следует поднести играющим. Рип повиновался со страхом и дрожью; в глубоком молчании проглотили они напиток и вернулись к игре.

Мало-помалу Рип освоился. Его страх и тревога прошли. Он осмелился даже — разумеется, лишь тогда, когда никто не глядел в его сторону, — отведать напитка и нашел, что по вкусу и запаху это отменная голландская водка. И так как по натуре своей он был вечно жаждущею душой, его вскоре стало томить ис-

кушение, не хлебнуть ли еще разочек. Но поскольку один глоток влечет за собой другие, он прихлебывал себе да прихлебывал, так что сознание его в конце концов затуманилось, голова стала тяжелой и опустилась на грудь, и он погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, Рип увидел себя на том же зеленом бугре, с которого он впервые заметил вчерашнего старика из ущелья. Он протер глаза: было яркое, ясное утро. В кустах порхали и чирикали птички; в небе широкими кругами парил орел, подставляя грудь чистому горному ветру. «Неужто, — подумал Рип, — я провел тут целую ночь?» Он припомнил все происшедшее с ним перед тем, как он задремал. Станный человек с бочонком голландской водки... овраг в горах... дикий уголок среди скал... унылая партия в кегли... кубок... «Ох, этот кубок, — подумал Рип, — этот проклятый кубок! Как же мне оправдаться перед госпожой Ван Винкль?»

Он осмотрелся, разыскивая свое ружье, но вместо нового, отлично смазанного дробовика нашел рядом с собою какой-то ветхий самопал; ствол был изъеден ржавчиною, замок отвалился, ложе источено червями. Он заподозрил, что давешние суровые и немые гуляки, которых он встретил в горах, сыграли с ним шутку и, напоив водкой, подменили его ружье. Волк тоже исчез; впрочем, он мог заблудиться, погнавшись за куропаткой или белкой.

Рип свистнул и кликнул его по имени — все было напрасно. На его свист и крики многократно ответило эхо, собаки же нигде не было.

Он решил еще раз навестить место вчерашней вечерней забавы; если встретится кто-нибудь из игроков, он потребует с него ружье и собаку. Поднявшись на ноги, чтобы выполнить это намерение, он почувствовал ломоту в суставах и заметил, что ему недостает былой легкости в движениях.

«Ох уж эти постели в горах; видать, они не для меня, — подумал Рип, — если после такой прогулочки

я еще и схвачу ревматизм, попадет же мне от хозяйки Ван Винкль!» С трудом спустившись в овраг, он отыскал промоину, по которой вчера вечером поднимался со своим спутником в гору. К его изумлению, по ней теперь, пенясь, несясь, перескакивая со скалы на скалу и оглашая овраг ревом и рокотом, бурный горный поток. Рип тем не менее стал карабкаться вверх вдоль его берега, и ему пришлось пробираться сквозь заросли лавра, березняк и лещинник, путаясь и по временам увязая среди густых лоз дикого винограда, который, цепляясь за деревья своими усиками и завитками, соткал на его пути своеобразную сеть.

Наконец добрался он до того места в ущелье, где между утесами должен был открыться проход в амфитеатр, но больше не было и следа никакого прохода. Скалы вздымались отвесной непреодолимой стеной; сверху легкою полосой перистой пены несясь поток, низвергавшийся в просторный водоем, глубокий и черный, укутанный тенью растущего вокруг леса. Здесь бедный Рип поневоле остановился. Он еще раз свистнул и позвал своего пса, но в ответ донеслось лишь карканье праздных ворон, кружившихся высоко в воздухе над сухим деревом, свисавшим в озаренную солнцем пропасть; вороны, чувствуя себя в безопасности, — еще бы, на такой высоте! — поглядывали насмешливо вниз и потешались, казалось, над затруднениями бедняги. Что теперь делать? Утро проходило, он испытывал голод; он ведь не завтракал! Его огорчала потеря ружья и собаки, он страшился встречи с женой, но не помирать же с голоду в этих горах! Покачив головою, он взвалил на плечо ржавый самопал и с сердцем, исполненным забот и тревоги, направился к дому.

Подходя к деревне, Рип повстречал несколько человек, но среди них никого, кто был бы ему знаком; это несколько удивило его, ибо он думал, что у себя в округе знает всякого встречного и поперечного. Одеж-

да их к тому же была совсем другого покроя, чем тот, к которому он привык. Все они как один удивленно пялили на Рипа глаза и всякий раз, взглянув на него, неизменно хватались за подбородок. Видя постоянное повторение этого жеста, Рип невольно последовал их примеру и, к своему изумлению, обнаружил, что у него выросла борода длиной в добрый фут!

Он вошел наконец в деревню. Ватага незнакомых ребят следовала за ним по пятам; они гикали и указывали пальцами на его белую бороду. Собаки — но и среди них не было ни одной старой знакомой — бросались на него, надрываясь от лая. Да и деревня тоже переменялась — она разрослась и сделалась многолюдней. Перед ним тянулись ряды домов, которых он никогда не видел, а между тем хорошо известные ему домики исчезли бесследно. Чужие имена на дверях, чужие лица в окнах — все стало чужое. Было от чего потерять голову; Рип начал подумывать, уж не попали ли во власть колдовских чар и он сам, и весь окружающий мир. Конечно, и в этом не могло быть сомнений, — пред ним была родная деревня, которую он покинул только вчера. Там высятся Катскиллские горы, вдалеке серебрится быстрый Гудзон, а вот — те же холмы и долины, которые были тут испокон веку. Рип не на шутку смешался. «Вчерашний кубок, — подумал он, — задурил мне, видно, голову».

Не без труда нашел он дорогу к своему дому, к которому, кстати сказать, подходил с немим страхом, ожидая, что вот-вот раздастся пронзительный голос госпожи Ван Винкль. Дом оказался в полном упадке: крыша обвалилась, окна разбиты, двери сорваны с петель. Вокруг дома бродила тощая, полуголодная, похожая на Волка собака. Рип кликнул ее, но она с ворчанием оскалила зубы и удалилась. Это было уж вовсе обидно. «Моя собственная собака, — вздохнул бедный Рип, — и та забыла меня».

Он вошел в дом, который госпожа Ван Винкль, надо отдать ей справедливость, всегда содержала в чистоте и порядке. Дом был пуст, заброшен и, очевидно, покинут. Такое запустение заставило его забыть всякий страх пред супругой, и он стал громко звать ее и детей; пустые комнаты на мгновение огласились звуками его голоса; затем снова воцарилась мертвая тишина.

Рип торопливо вышел из дому и зашагал к своему былому приюту и утешению — деревенскому кабачку; но и кабачок бесследно исчез! На его месте стояла большая покосившаяся деревянная постройка, зияющая широкими окнами; некоторые из них были разбиты и заткнуты старыми шляпами или юбками; над входом в строение красовалась вывеска: *Гостиница «Союз» Джонатана Дулитля*. Вместо могучего дерева, под сенью которого безмятежно ютился когда-то скромный голландский кабачок, торчал простой голый шест с чем-то вроде красного ночного колпака на самой верхушке. На шесте развевался флаг с изображением каких-то звезд и полос. Все это было чрезвычайно странно и непонятно. Рип разглядел, впрочем, на вывеске, под которой не раз мирно курил свою трубку, румяное лицо короля Георга III, но и тот тоже изменился самым поразительным образом. Красный мундир стал синим со светло-желтой отделкой; вместо скипетра в руке оказалась шпага; голову венчала треугольная шляпа, и внизу крупными буквами было выведено: *Генерал Вашингтон*.

Как всегда, у дверей толклось много народу, но среди них не было никого, кого бы Рип помнил. Изменился, казалось, даже самый характер людей. Вместо былой невозмутимости и сонного спокойствия во всем проступали деловитость, напористость, суетливость. Рип тщетно искал глазами, где же мудрый Николас Веддер с его широким лицом, двойным подбородком и славною длинною трубкой, взамен праздных речей

наделявший своих собеседников густыми клубами табачного дыма, или школьный учитель Ван Буммель, пережевывавший содержание старой газеты. Вместо них тощий, желчного вида субъект, карманы которого были битком набиты какими-то печатными афишками, шумно разглагольствовал о гражданских правах, о выборах, о членах Конгресса, о свободе, о Банкер-Хилле¹, о героях 1776 года и о многом другом, так что речь его показалась ошеломленному Рипу каким-то вавилонским смешением языков.

Появление Рипа, его длинная белая борода, ржавое-прержавое ружье, чудная одежда и целая армия женщин и ребятишек, следовавших за ним по пятам, немедленно привлекли внимание трактирных политиканов. Они обступили его и с великим любопытством стали разглядывать с головы до пят и с пят до головы. Оратор в мгновение ока очутился возле Рипа и, отведя его в сторону, спросил, за кого он будет голосовать. Рип недоуменно уставился на него. Не успел он опомниться, как какой-то низкорослый и юркий маленький человечек дернул его за рукав, поднялся на носки и зашептал ему на ухо: «Кто же вы — федералист, демократ?» Рип и на этот раз не понял ни слова. Вслед за тем недоверчивый и самонадеянный пожилой джентльмен в остроконечной треуголке пробился к нему сквозь толпу, расталкивая всех и слева и справа локтями, и остановился пред Рипом Ван Винклем; уперев одну руку в бок, опираясь другою на трость и проникая как бы в самую душу его своим пристальным взглядом и острием своей треуголки, он строго спросил, на каком основании тот явился на выборы вооруженным и чего ради привел с собою толпу: уж не намерен ли он поднять в деревне мятеж?

¹ Банкер-Хилл — сражение у Банкер-Хилла, первое крупное сражение Войны за независимость в июне 1775 г. вблизи Бостона.

— Помилуйте, джентльмены! — воскликнул Рип, окончательно сбитый с толку. — Я человек бедный и мирный, уроженец здешних мест и верный подданный своего короля, да благословит его Бог!

Тут поднялся отчаянный шум:

— Тори¹! Тори! Шпион! Эмигрант! Держи его! Долой!

Самонадеянный человек в треуголке с превеликим трудом восстановил наконец порядок и, придав себе еще больше важности и суровости, снова спросил неведомого преступника, зачем он явился сюда и кого он разыскивает. Бедняга Рип стал смиренно доказывать, что ничего худого он не замыслил и явился сюда лишь затем, чтобы повидать кого-нибудь из соседей, обычно собирающихся возле кабачка.

— Отлично, но кто же они? Назовите их имена!

Рип задумался на минутку, потом сказал:

— Николас Веддер.

Воцарилось молчание; его нарушил какой-то старик, который тонким, визгливым голосом пропищал:

— Николас Веддер? Вот уже восемнадцать лет, как он отошел в лучший мир. На его могиле стоял когда-то деревянный крест, который мог бы о нем рассказать, но и тот развалился.

— Ну а где же Бром Детчер?

— Ах этот! Еще в начале войны он отправился в армию; одни утверждают, что он убит при взятии приступом Стони-Пойнта, другие — будто утонул во время бури у Антонова Носа². Не знаю, кто из них прав. Он так и не вернулся назад.

— А где Ван Буммель, учитель?

¹ Тори — английская политическая партия, возникшая в конце 70-х — начале 80-х гг. XVII в. как группировка сторонников абсолютизма; сторонники этой партии.

² Антонов Нос — мыс на р. Гудзон.

— Он тоже ушел на войну, стал важным генералом и теперь заседает в Конгрессе.

Услышав о переменах, происшедших в родной деревне, о жестокой судьбе, отнявшей у него старых друзей, и рассудив, что он остался теперь один-одинешенек на всем белом свете, Рип почувствовал, как сердце его сжимается и замирает. К тому же каждый ответ порождал в нем глубокое недоумение, ибо дело шло о больших отрезках времени и о событиях, которые не укладывались в его сознании: война, Конгресс, Стони-Пойнт. Он не решился спрашивать о прочих друзьях и вскричал в полном отчаянии:

— Неужели никто тут не знает Рипа Ван Винкля?

— Ах, Рип Ван Винкль! — раздались голоса в толпе. — Ну еще бы! Вот он, Рип Ван Винкль, вот он стоит, прислонившись к дереву.

Рип взглянул в указанном направлении и увидел своего двойника, увидел себя таким, каким он отправился в горы. Это был, по-видимому, такой же ленивец и во всяком случае такой же оборвыш! Бедняга Рип окончательно растерялся. Он усомнился в себе самом: кто же он — Рип Ван Винкль или кто-то другой? И пока он стоял в замешательстве, человек в треуголке обратился к нему с вопросом:

— Кто же вы и как вас зовут?

— Бог его знает! — воскликнул Рип, теряя рассудок. — Ведь я вовсе не я... я — кто-то другой... Вчера вечером я был настоящий, но я провел эту ночь в горах, и мне подменили ружье; все переменилось, я переменился, и я не могу сказать, как меня зовут и кто я такой.

Тут присутствующие начали переглядываться, перемигиваться, покачивать головой и многозначительно постукивать себя по лбу.

В толпе зашептались о том, что неплохо отнять у старого деда ружье, а не то, пожалуй, он натворит каких-нибудь бед. При одном упоминании о подоб-

ной возможности самонадеянный человек в треуголке поспешно ретировался. В эту решительную минуту молодая миловидная женщина, протолкавшись вперед, подошла взглянуть на седобородого старца. На руках у нее был толстощекий малыш, который при виде Рипа заорал благим матом.

— Молчи, Рип! — вскричала она. — Молчи, дурачок: дедушка тебе худого не сделает.

Имя ребенка, внешность матери, ее голос — все это пробудило в Рипе вереницу далеких воспоминаний.

— Как тебя зовут, милая? — спросил он.

— Джудит Гарденир.

— А как звали твоего отца?

— Его, беднягу, звали Рипом Ван Винклем, но вот уже двадцать лет, как он ушел из дому с ружьем на плече, и с той поры о нем ни слуху ни духу. Собака одна вернулась домой, но что случилось с отцом, застрелил ли он сам себя, или его захватили индейцы, — никто на это вам не ответит. Я была тогда совсем маленькой девочкой.

Рипу не терпелось выяснить еще одно обстоятельство, и с дрожью в голосе он задал последний вопрос:

— Ну а где твоя мать?

— Она тоже скончалась; это случилось недавно. У нее лопнула жила — она повздорила с коробейником из Новой Англии.

По крайней мере, хоть это известие заключало в себе кое-что утешительное. Бедняга не мог дольше сдерживаться. В одно мгновение и дочь, и ребенок оказались в его объятиях.

— Я — твой отец! — вскричал он взволнованно. — Я — Рип Ван Винкль, когда-то молодой, а теперь старик Рип Ван Винкль. Неужели никто на свете не признает беднягу Рипа Ван Винкля?

Все пялили на него глаза. Какая-то маленькая старушка, пошатываясь от слабости, вышла наконец из

толпы, прикрыла ладонью глаза и, взглядевшись в его лицо, воскликнула:

— Ну конечно! Это же — Рип Ван Винкль, он самый! Добро пожаловать, дорогой соседусшка! Где же ты пропадал, старина, в продолжение долгих двадцати лет?

История Рипа была на редкость короткой, ибо целое двадцатилетие пролетело для него, как одна летняя ночь. Окружающие, слушая Рипа, пялили на него глаза и дивились его рассказу; впрочем, нашлись и такие, которые подмигивали друг другу и корчили рожи, а самонадеянный человек в треуголке, по утихновении тревоги возвратившийся к месту происшествия, поджал губы и покачал головой; тут закачались и головы всех собравшихся.

Тогда решили узнать мнение старого Питера Вандердонка; как раз в этот момент он показался на дороге. Он был потомком историка с тем же именем¹, оставившего одно из первых описаний этой провинции. Питер был самым старым из местных жителей и знал назубок все примечательные события и предания округа. Он тотчас же признал Рипа и заявил, что считает его рассказ вполне достоверным. Он заверил присутствующих, что Катскиллские горы, как подтверждает его предок-историк, искони кишели какими-то странными существами; передают, будто Хендрик Гудзон, впервые открывший и исследовавший реку и прилегающий край, раз в двадцать лет обозревает эти места вместе с командой своего «Полумесяца». Таким образом, он постоянно навещает область, бывшую ареною его подвигов, и присматривает бдительным оком за рекою и большим городом, нареченным его именем. Отцу Питера Вандердонка будто бы удалось однажды увидеть их: призраки были одеты в ста-

¹ Адриан Вандердонк (1620 — ок. 1655) — автор книги «Описание Новых Нидерландов» (1655).

ринное голландское платье, они играли в кегли в ложине между горами; да и ему самому случилось как-то летом под вечер услышать стук шаров, похожий на раскаты далекого грома.

В конце концов толпа успокоилась и приступила к более важному делу — к выборам.

Дочь Рипа поселила его у себя. У нее был уютный, хорошо обставленный дом и рослый жизнерадостный муж, в котором Рип узнал одного из тех сорванцов, что забирались во время бою к нему на спину. Что касается сына и наследника Рипа, точной копии своего незадачливого отца, того самого, которого мы уже видели прислонившимся к дереву, то он работал на ферме у зятя и отличался унаследованной от Рипа-старшего склонностью заниматься всем чем угодно, но только не собственным делом.

Рип возобновил свои вылазки и бывшие привычки; он разыскал также старых приятелей, но и они были не те: время не пощадило и их! По этой причине он предпочел сблизиться с представителями юного поколения, с которыми вскоре установил тесную дружбу.

Свободный от каких бы то ни было домашних обязанностей, достигнув того счастливого возраста, когда человек безнаказанно предается праздности, Рип занял старое место у порога кабачка. Его почитали как одного из патриархов деревни и как живую летопись давних, «довоенных времен». Миновало немало дней, прежде чем он вошел в курс местных сплетен и уяснил себе поразительные события, происшедшие за время его многолетнего сна. Много чего пришлось узнать Рипу: узнал он и про Войну за независимость, и про свержение ига Старой Англии, и, наконец, что он сам превратился из подданного короля Георга III в свободного гражданина Соединенных Штатов. Сказать по правде, Рип плохо разбирался в политике: перемены в жизни государств и империй мало задевали его; ему был известен только один вид деспо-

СОДЕРЖАНИЕ

Чародей из Саннисайда. <i>В. И. Бернацкая</i>	5
---	---

ИЗ «КНИГИ ЭСКИЗОВ»

РИП ВАН ВИНКЛЬ	18
ЖЕНИХ-ПРИЗРАК	40
ЛЕГЕНДА О СОННОЙ ЛОЩИНЕ	59

ИЗ КНИГИ «БРЕЙСБРИДЖ-ХОЛЛ»

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ	105
ДОЛЬФ ХЕЙЛИГЕР	110
ЗАГАДОЧНЫЙ КОРАБЛЬ	159

ИЗ КНИГИ «РАССКАЗЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

КЛАДОИСКАТЕЛИ

ВРАТА ДЬЯВОЛА	195
ПИРАТ КИДД	199
ДЬЯВОЛ И ТОМ УОКЕР	207
ВОЛЬФЕРТ ВЕББЕР, ИЛИ ЗОЛОТЫЕ СНЫ	227
ПРОИСШЕСТВИЕ С ЧЕРНЫМ РЫБАКОМ	258

ИЗ КНИГИ «АЛЬГАМБРА»

ЛЕГЕНДА О РОЗЕ АЛЬГАМБРЫ, ИЛИ ПАЖ И СОКОЛ . .	297
---	-----

Литературно-художественное издание

ВАШИНГТОН ИРВИНГ
СОННАЯ ЛОЩИНА

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Ирина Киселева, Наталья Хуторная,
Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 08.10.2018.
Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-ARB-8265-07-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИНОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КоЛибри

 Махаон

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/